

"Если бы не чад в голове, я бы наслаждался теперь даже Берлином, к которому всегда был довольно равнодушен"

Вера Бишицки, Берлин

Фото 1

Если бы у меня была машина времени, то я – берлинка – хотела бы повстречать Ивана Александровича в моем родном городе.

Именно в Берлине? Понравилось бы ему это? „Берлин и Дрезден не занимают, не шевелят меня”,¹ – пишет он в 1860 году к В. Н. и Е. П. Майковым, собиравшимся заказать ему статью о резиденции прусского королевства для своего журнала «Подснежник». Гончаров часто проездом бывал здесь и, по-видимому, хорошо ее знал. Несколько лет спустя мы читаем в письме к Софье Никитенко, что к Берлину он „всегда был довольно равнодушен”.² К тому же, за редким исключением, едва ли можно установить, где именно и с кем бродил Гончаров по городу и какие у него сложились впечатления. В его письмах, в которых речь идёт прежде всего о его творчестве, о ходе творческого процесса, а также о препятствиях и сомнениях, лишь изредка встречаются упоминания о быте и топографии Берлина или личные впечатления, зато много рефлексий о его внутреннем мире и о жизни, причем всегда с присущей ему долей самоиронии ...

В 1868 году в берлинском письме к Софье Никитенко: „Забываю совсем практику жизни и живу, хожу машинально. Опасностей от этого особенных не предвидится: – пройду десять раз мимо магазина, сойду с лестницы и забуду что-нибудь нужное. Вот беда – забыть паспорт, зазеваться и не успеть в поезд или попасть под омнибус”.³

Счастливый случай, что несмотря на вердикт Гончарова, уничтожить его письма или вернуть ему, их сохранилось довольно большое количество. По меткому замечанию автора книги «Быт и нравы пушкинской эпохи» Нонны Марченко, „под пеплом лет, как Помпея под пеплом Везувия, письма сохраняют тот эффект непосредственного присутствия, который утрачивает любое историческое повествование”.⁴ Итак, читая их, мы как будто живьем общаемся с Иваном Александровичем, он нам очень близок.

Местами его подробные послания – литературные шедевры в миниатюре. В одном из них, к Ивану Лъховскому, он убедительно объясняет причину своих частых писем, словно извиняясь перед другом: „А Вы, друг мой, терпите мои письма, будьте в этом случае козлом отпущения, потому что писанье – для меня составляет такой же необходимый процесс, как процесс мышления, и поглощать всё в себе, не выбрасываться – значит испытывать моральное удушье. Поэтому если буду писать часто и много, терпите, пожалуйста, и помните, что я делаю это не по прихоти, не по щегольству какому-нибудь [...], а потому только, почему поет птица или стрекошет кузнечик в траве”.⁵

Однако у него, очевидно, не было потребности излагать свои впечатления о Берлине и о берлинцах, писать об этом городе, вначале – столице Пруссии, а с 1871 года – и всей немецкой империи. Берлин был для него всего лишь транзитной точкой на пути к европейским курортам и на обратном пути в Петербург. Здесь он мог несколько дней передохнуть от мук весьма утомительного путешествия, перед тем, как продолжить свой путь. Конечно, начиная с 1862 года железная дорога доставляла пассажиров с относительным комфортом из Петербурга в Варшаву, а оттуда – дальше в Европу, но в первых заграничных поездках Гончарову приходилось ещё путешествовать в коляске,

что было малоприятно. Астольф де Кюстин заметил по этому поводу: *„Путешественника подстерегает в России опасность, которую вряд ли кто предвидит: опасность сломать голову о верх экипажа. Риск этот очень велик, и опасность вполне реальна: коляску так подбрасывает на рытвинах и ухабах, на бревнах мостов и пнях, в изобилии торчащих на дороге, что пассажиру то и дело грозит печальная участь: либо вылететь из экипажа, если верх опущен, либо, если он поднят, проломать себе череп“.*⁶

Аналогично и мучения Гончарова. Льховскому сообщается в 1857 году: *„Вчера вечером приехал я сюда, но в каком положении — Боже мой! [...] Пять дней — небритый, невытый — я-то! Подвиг путешествия начался, а сил нет: не знаю, как это я поеду дальше! В карете я страдал от бессонницы, от дурной пищи и от скуки, с примесью боли“.*⁷ Но дальнейшие поездки имеют и положительную сторону для путешественника-одиночки: *„Зато есть и своего рода польза: нигде нельзя так глубоко уединиться, как в почтовой карете, даже имея вздорного спутника рядом, нигде нельзя так мучительно погружаться в себя и разбирать всякую дрянь, хлам, которым наполнен человек за много, много лет. Иные домоводки копят хлам в старых сундуках с юности и потом любят разбирать; то попадет изъеденный червями кусочек меха, то полинялая материя от подвенечного платья, то игольник и вдруг иногда так наткнется на какой-нибудь старый убор, почерневший, пожелтевший, но с брильянтом. Так, кажется, всякий по временам должен делать это, и я предлагаю тому, кто захочет, делать в почтовой карете. [...] Вот к каким истинам пришел я, сидя одиноко в карете, и о многом, что мы легко извиняем себе, особенно если приправим юмором, крепко задумался, сознавая, что если отнять юмор да разложить на первоначальные элементы, то черт знает, что выйдет“.*⁸ К счастью, смартфонов, ноутбуков и mp3-плееров тогда не было, и можно было полностью предаться размышлению, анализу и сортировке мыслей. Следует, однако, помнить, что нередко случаются болтливые попутчики, готовые выложить историю всей своей жизни первому встречному, что конечно ограничивает контемплацию... С какой дилеммой сталкивается путешественник в таком случае, известно из путевых картин Генриха Гейне: *„Я самый вежливый человек в мире. Я немало горжусь тем, что никогда не был груб на этом свете, где столько несносных шалопаев, которые подсаживаются к вам и повествуют о своих страданиях или даже декламируют свои стихи; с истинно христианским терпением я всегда спокойно выслушивал эту жалкую дрянь, ни одной гримасой не обнаруживая, как тоскует моя душа. Подобно кающемуся брамину, отдающему свое тело в жертву насекомым, дабы и эти создания божьи могли насытиться, я часто по целым дням имел дело с последним отребьем человеческого рода и спокойно его выслушивал, и внутренние вздохи мои слышал только Он, награждающий добродетель“.*⁹

Да, просидеть пять дней в тряской коляске, подпрыгивающей на пути из Петербурга в Варшаву, закатым пёстрой компанией самых разнообразных, порой навязчивых пассажиров – должно быть, малоприятно. Неудивительно, что по завершении первого отрезка пути, по прибытии Гончарова в Варшаву, читаем: *„Прибыли благополучно, но только с попорченными отчасти задами и белыми языками, что надо приписать жару и пятидневному сиденью на одном месте и одним местом“.*¹⁰

В Варшаве после небольшой передышки садились на поезд, который был удобнее, но и железная дорога отнимала немало сил и доставляла большие хлопоты, так как линии ещё не составляли единой системы, пересекали государственные границы и принадлежали разным компаниям. Нужно было часто пересаживаться, на станциях пересадок покупать новые билеты и проходить таможенный досмотр, который и нам напоминает прошлые времена: *„Не завертывайте ничего в печатные листы“*, – советует он чете Никитенко, описывая обратный путь. *„У меня были завернуты в газетную бумагу лежавшие сверху сапоги и туфли: досмотрщик все листы вытащил и разорвал. Вероятно, отдано строгое приказание насчет заграничных русских газет, а он рвет уж кстати и иностранные“*.¹¹ Это письмо Гончарова 1859 года с детальными указаниями, где, как и когда останавливаются поезда на пути в Варшаву (или из Варшавы), даёт нам наглядное представление о том, с чем приходилось сталкиваться путешественникам, чтобы преодолеть большие дистанции. При таких обстоятельствах неудивительно, что, добравшись, наконец, до дому, Гончарову нужно было ещё некоторое время отдыхать и приходиться в себя, вспоминая дорожные передрыги: *„Я сижу у себя в комнате на Моховой, но всё еще из путешествия не воротился, ибо во сне только и вижу, что – или как я опоздал к поезду, или как не туда приехал, куда хотел“*.¹²

Итак, если представить себе, как уставал путешественник, легко понять, почему город Берлин, служивший всего лишь транзитом, где можно было набраться сил перед столь же утомительным продолжением пути, не вызывал у Гончарова особых восторгов, тем более, что цель его заграничных поездок не была туристической. Поездки давали ему в первую очередь возможность дописать романы и служили поправкой здоровья.

Уже из письма к Стасюлевичу от 26 мая 1868 года, отправленного еще из Петербурга, незадолго до отъезда на три месяца за границу, видно, с какой целью он едет. Гончаров просил Стасюлевича купить ему в Петербурге, в английском магазине „carnet“: *„Маленькую [...] записную книжечку с влагающим туда карандашом — чтоб отмечать дорогой неотстающие от меня мысли, сцены, детали и т. д. Во мне теперь кипит будто в бутылке шампанского, все развивается, яснее во мне, все легче, дальше, и я почти не выдерживаю, один, рыдаю как ребенок и измученной рукой спешу отмечать кое-как, в беспорядке“*.¹³

Через четыре дня, по прибытии в Берлин, записная книжка уже исполнила своё предназначение: *„И я хотя едва подремал, но был покоен до самого Берлина и что Вы думаете, делал? А то что Ваш подарок, книжечка, уже вся исписана заметками на память — а что еще после того, что я Вам говорил — прибавилось — я и сказать не могу, дух замирает“*.¹⁴

Было, помимо изнеможения, ещё другое обстоятельство, омрачавшее отношение Гончарова к Берлину: берлинский климат, который был (и остался, скажу по собственному болезненному опыту) серьёзным недостатком нашего города. И сейчас, когда я пишу эти строки, как назло, над городом свинцовым колоколом нависли тяжёлые серые тучи, сжимая и мое тело, как в тиски – ведь и я страдаю той же метеозависимостью, – парализующее, едва переносимое ощущение. Причина кроется в географическом положении города: Берлин находится в умеренной климатической зоне

на границе морского и континентального климата, что влечёт за собой постоянные перемены погоды. Особенно приближение циклона, понижение атмосферного давления вызывает у людей, предрасположенных к этому, не только ощущение сдавленности всего тела, но и острую, колющую боль в области лба и лица, нередко – приступы мигрени, иногда усиливающиеся до тошноты. Это неприятное следствие погодного феномена часто портило пребывание в Берлине Ивану Александровичу Гончарову: *„Я был и здоров, пока длилась сухая и ясная погода, а третьего дня, перед переменой, перед грозой и дождем – как всегда – провел ночь в страшном волнении и без сна – ноги горели, как в огне, и даже болели. [...] Барометр молодец. Ни один английский полицмен, ни даже наполеоновский sergent de ville не наблюдают так за мошенниками, как он за погодой. Вчерашнюю грозу и дождь предсказал накануне, а сегодня опять в гору полез! Боюсь только, как бы он у меня не испортился от тряски в дороге. Я его в белье и платье укутаю!“*¹⁵

Как хорошо я его понимаю, особенно, потому, что окружающие реагируют на подобные, внешне не видимые мучения, порою с насмешкой и непониманием ... Конечно, барометр не может предотвратить падения давления, не выровнит его и не смягчит последствия для организма – для этого, вероятно, нужно ходить в космическом скафандре. Но при помощи барометра удостоверись, что недуг, который Гончаров называет *тиком*, имеет конкретную, измеримую причину, это хотя бы моральная поддержка, так как настоящего лечения этого расстройства несмотря на весь медицинский прогресс не существует до сих пор.

Болезнь упоминается в бесчисленных письмах. Так, например, по возвращении из Берлина в Петербург в 1868 году: *„Я приехал в субботу полубольной физически и совсем больной морально [...] Я приехал вместе со Стасюлевичами, которым еще из Парижа и Булони писал, что рад буду увидеть их [...], погулять и отдохнуть в Берлине и воротиться вместе. Так и сделалось все, кроме отдыха и гулянья в Берлине: я там мучился более недели нестерпимой болью в висках и зубах и сидел все дома“*.¹⁶

Эти – к сожалению, совершенно оправданные жалобы – звучат во многих его письмах. Вот последний пример: *„Я Вас напрасно беспокоил, Софья Александровна, просьбой дать мне знать о том, могу ли я приехать к Вам в Александров день: приехать-то, пожалуй, я приехал накануне, 29-го, но привез с собой из Берлина остатки тика, который и теперь дает себя чувствовать [...] Всё климат и погода: как мы перевалили за Динабург сюда, так, вместо жаров, встретило нас целое море тумана, который, как Вы видите, и лежит над нашими головами, посылая дождем. Это имеет прямую связь с нервами (а тик – болезнь нерв), и как только сухо – мне лучше, как собирается дождь, я хватаюсь за висок и щеку – и в этом приятном занятии провожу время“*.¹⁷

Из этих отрывков становится абсолютно ясно, почему Берлин с его неустойчивой погодой произвёл не самое лучшее впечатление на путешественника, уже без того утомлённого многодневным переездом.

Фото 2, 3, 4, 5

В Берлине Гончаров всегда останавливался в фешенебельной гостинице *British hôtel* на улице Унтер ден Линден, неподалёку от Бранденбургских ворот, – порою даже в одном и том же номере: *„Вот и опять знакомые места – даже, кажется, та же комната, что я занимал в прошлом году, дорогой друг Софья Александровна – и если бы*

не чад в голове, я бы наслаждался теперь даже Берлином, к которому всегда был довольно равнодушен“.¹⁸ Здание гостиницы (прежний адрес – Унтер ден Линден 56, сейчас 36-38) не сохранилось. Оно было разрушено во время второй мировой войны, как и почти весь центр Берлина. Сейчас на его месте находится телестудия.¹⁹ Гостиница существовала с 1842 по 1894 год, в ней останавливались гости из Великобритании, здесь была резиденция британского посла. Не исключено, что пребывание в этой гостинице напоминало Гончарову о поездке в Англию в 1852 году ...

Фото 6

Жизнь на бульваре Унтер ден Линден, какой она была за несколько лет до приезда Гончарова, описал в одном из своих путевых писем Генрих Гейне (1822):

«Направо – высокое внушительное здание цейхгауза, новая гауптвахта, университет и Академия. Налево – королевский дворец, опера, библиотека и т.д. Здесь одно роскошное здание теснится к другому. [...] Да, это знаменитые Липы, о которых вы так много слышали. [...] Нарядная толпа движется взад и вперед по Липам. [...] Видите там щёголя в двенадцати пёстрых жилетах? Слышите глубокомысленные замечания, которые нащёптывает своей донне? Чувствуете запах дорогих духов и помад, которыми он надушен? Он уставился на вас в лорнет, улыбается и взбивает себе волосы. Но посмотрите на прекрасных дам! Что за фигуры!»²⁰

На этой-то роскошной улице, на видном месте и располагался *British Hotel*. Получить представление о привязанности Гончарова к этой гостинице можно из воспоминаний Петра Боборыкина. Он рассказывает, как проводила время в Берлине их «банда», небольшая русская дружеская компания, которая устраивала у себя русские чаепития, гуляла вместе ... К ним присоединился и Гончаров.

Члены «банды» обедали обычно за общим столом в гостинице *Hôtel de Rome*, которая находилась также на улице Унтер ден Линден. Боборыкин вспоминает: *«Обед в Hôtel de Rome считался самым лучшим, и наши веселые ребята постоянно звали Гончарова обедать с ними. [...]– Иван Александрович, – повторяли ему, – ведь вы сами говорите, что еда у вас не первый сорт; так зачем же вы там обедаете? Да лучше бы вам и совсем переехать в «Рим», где цены такие же, а комнаты и стол и сравнить нельзя. – Вы правы, друзья мои, – кротко отвечал им каждый раз Гончаров, – но, видите ли, как же я тогда буду проходить мимо British Hotel’, хозяин может стоять на крыльце, увидеть меня. Я не могу этого сделать»²¹* Таким образом, встречи происходили не в *Hôtel de Rome* за табльдотом, а на бульваре под липами (как переводится с немецкого название «Унтер ден Линден»), когда члены банды отправлялись с ним на прогулку в Тиргартен. *«И пошли мы всей бандой к Бранденбургским воротам, а оттуда в парк. Разговор сейчас же зашел именно о Тиргартене. Гончаров восхищался этим удобством: иметь под боком, в центре города, такую обширную и прекрасную прогулку»²²*

Фото 7, 8, 9, 10

Бульвар «Унтер ден Линден» длиной в полтора километра изначально служил верховой тропой, соединяя Берлинский дворец и охотничьи угодья курфюрстов за городскими воротами – сегодняшний парк Тиргартен. Почти столетием раньше об этом парке восторженно отзывался Николай Карамзин: „славное гульбище!“²³ Да, это и по сей день действительно славное гульбище, зелёные лёгкие города площадью 210 гектаров, излюбленное место романтических прогулок берлинцев (для сравнения: Летний сад в Петербурге занимает сегодня площадь около 11,7 гектаров). Гостиница

Гончарова находилась примерно в пяти минутах ходьбы от входа в Тиргартен, через Бранденбургские ворота, и можно предположить, что он каждый день гулял там, ведь «моцион», предписанный врачами, стал для него повседневной потребностью.

Кстати, именно в *British Hotel* в 1868 году чуть было не произошла знаменательная встреча. В самый разгар периода недоверия Гончарова к Бертольду Ауэрбаху, которого Гончаров подозревал в плагиате, Иван Александрович мог бы лично познакомиться с этим автором, если бы захотел – в чём, кстати, можно усомниться. Ауэрбах в XIX веке был знаменитым – сейчас совсем забытым – писателем, чей роман «Дача на Рейне» – в оригинале „*Das Landhaus am Rhein*“ – к большому неудовольствию Гончарова выходил в «Вестнике Европы» Стасюлевича в 1868–1869 годах параллельно с «Обрывом».

Фото 11

*„В Берлинской гостинице кельнер показал мне за столом, рядом со мной какого-то плюгавого немца и сказал, что он читает каждый день королеве газеты, не назвав его по имени. „А мне что за дело?“ подумал я, а здесь узнал, что газеты королеве читает Ауэрбах“.*²⁴

Стасюлевич, очевидно, пытался дипломатически промолчать это замечание, так как неделю спустя Иван Александрович возобновляет тему: *„Я Вам писал три-четыре письма, которые Вы игнорируете – не получили, что ли, их, но не упоминаете о них. Например, я изъявлял сомнение, не имеет ли эта дача на Рейне, чего-нибудь общего с „домом на Волге“.*²⁵

Мы знаем, что Гончаров чувствовал себя окружённым врагами – в первую очередь он подозревал, как известно, Тургенева, якобы пересказавшего его сюжет, в том числе, и Ауэрбаху. Если бы он только мог придерживаться своих собственных слов: *„Во мне, рядом с уродливой недоверчивостью, уживается обломовская вера в добро!“*²⁶

Встреть я его сегодня, я рассказала бы, что Обломов продолжает жить, а произведения Бертольда Ауэрбаха, одного из самых успешных немецкоязычных авторов XIX века, позабыты. Само имя уже мало кому известно. Автор недавно вышедшей книги «Бертольд Ауэрбах. Когда-то почти мировая величина» признаётся в послесловии: *“Об Ауэрбахе, – отвечаю я, когда сведущие в литературе люди спрашивают меня, о ком я пишу. Почти всегда тут же переспрашивают: «О ком, о ком? Первый раз слышу”.*²⁷

Зато понятие «обломовщина» вошло даже в главный словарь немецкого языка – Дуден. В статье „*Oblomowerei*“ [обломоверай] читаем: *“Ob/lo/mo/we/rei – латаргическая позиция; пассивная мечтательность, по-русски oblovovščina – от фамилии Обломов главного героя романа русского писателя И. А. Гончарова (1812–1891)“.*²⁸ «Дачу на Рейне» давно уже никто не вспоминает, а Илья Ильич уже 150 лет восхищает читающую немецкую публику, в ближайшем будущем выйдет новый немецкий перевод „Обыкновенной истории“, а затем, надеюсь, и новое издание «Дачи на Волге», т. е. «Обрыва». И может быть, то обстоятельство, что «мастерская переводчика» находится именно в Берлине, несколько примирило бы Гончарова с этим городом...

Фото 12

-
- ¹ Письмо В. Н. и Е. П. Майковым от 9 (21) августа 1860. Булонь.
- ² Письмо к С. А. Никитенко (29 мая (11 июня) 1868. Берлин)
- ³ Письмо к С. А. Никитенко (29 мая (11 июня) 1868. Берлин)
- ⁴ Марченко, Нонна: Быт и нравы пушкинской эпохи. Москва. 2016. С. 199.
- ⁵ Письмо к И. И. Лъховскому от 25.06./13.06.1857.
- ⁶ Кюстин, Астольф де: Россия в 1839 году. 2007. С. 34 (?)
- ⁷ Письмо к И. И. Лъховскому 13 (25) июня 1857. Варшава.
- ⁸ Письмо к И. И. Лъховскому 13 (25) июня 1857. Варшава.
- ⁹ Путешествие от Мюнхена до Генуи (Reise von München nach Genua) 1828. Übersetzung (?)
- ¹⁰ Гончаров и Ек. П. Майкова – Ю. Д. Ефремовой 28 мая (11 июня) 1859. Варшава.
- ¹¹ Письмо к А. В., Е. А. и С. А. Никитенко 20 сентября (2 октября) 1859. Варшава.
- ¹² Письмо М. М. Стасюлевичу 4 сентября 1872. Петербург.
- ¹³ Лемке. 1912. С. 6.
- ¹⁴ 30 мая 1868. Четверг. Берлин, Britisch hôtel.
- ¹⁵ Письмо М. М. Стасюлевичу 7 (19) августа 1871.
- ¹⁶ Письмо к С. А. Никитенко 29 августа 1868. Петербург.
- ¹⁷ Письмо к С. А. Никитенко 2 сентября 1872. Петербург.
- ¹⁸ Письмо к С. А. Никитенко 29 мая (11 июня) 1868. Берлин.
- ¹⁹ Zollernhof, Unter den Linden 36.
- ²⁰ Гейне, Генрих. Путевые письма. 1822..
- ²¹ Боборыкин, Пётр. Творец «Обломова». (Из личных воспоминаний) // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Сост. О. А. Демиховская и Е. К. Демиховская; вступительная статья О.А. Демиховская. Ульяновск. 2012. С. 163
- ²² Боборыкин, Пётр. Творец «Обломова». (Из личных воспоминаний) // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Сост. О. А. Демиховская и Е. К. Демиховская; вступительная статья О.А. Демиховская. Ульяновск. 2012. С. 164.
- ²³ Карамзин, Николай. Письма русского путешественника.
- ²⁴ Письмо к Стасюлевичу 1 июля 1868. 19 июня.
- ²⁵ Письмо к Стасюлевичу 7 июля 1868. Вторник. 25 июня.
- ²⁶ Письмо к С. А. Никитенко 29 мая (11 июня) 1868. Берлин.
- ²⁷ Hermann Kinder, Berthold Auerbach. Einst fast eine Weltberühmtheit. Eine Collage. 2011.
- ²⁸ Duden